

RU

**«Лесной отшельник, Pendant к Страданиям Вертера» Я. М. Р. Ленца:
ранний опыт терапевтического письма**

Гладилин Н. В.

Аннотация. Статья посвящена малоисследованной в российском литературоведении эпистолярной повести Я. М. Р. Ленца «Лесной отшельник. Pendant к Страданиям Вертера» (1776) в ее соотношении с очевидным «претекстом» – романом И. В. Гете «Страдания юного Вертера» (1774). Автор статьи исходит из того, что и повесть Ленца, и роман Гете следует рассматривать через призму революционной эстетики «Бури и натиска». Цель исследования – установить, насколько существенна интертекстуальная переключка между двумя произведениями. Особое внимание уделено вопросу: в связи с чем Ленцу, автору достаточно оригинальному, понадобилось следовать путем, проторенным Гете. В статье проводится сравнительно-сопоставительный анализ текстов Гете и Ленца, проясняется биографический бэкграунд, побудивший двух писателей к их созданию. Научная новизна исследования заключается в выявлении среди авторских интенций самотерапии, обусловленной новой, раннемодерной концепцией личности, сформированной в последней трети XVIII века, в частности представителями движения «Буря и натиск». В результате доказано, что, особенно в случае Ленца, мы имеем дело с ранними опытами терапевтического письма, направленного на изживание индивидуальных психотравм.

EN

**“The Hermit. A Pendant to Werther’s Sorrows” by J. M. R. Lenz:
An early attempt at therapeutic writing**

Gladilin N. V.

Abstract. The article is devoted to the epistolary short novel “The Hermit. A Pendant to Werther’s Sorrows” (1776) by J. M. R. Lenz, insufficiently explored by Russian literary studies, in its comparison to the obvious “praetext”, the novel “The Sorrows of Young Werther” (1774) by J. W. von Goethe. The author of the article assumes that both the short novel by Lenz and the novel by Goethe need to be analysed through the lens of the Sturm und Drang revolutionary aesthetics. The aim of the research is to identify the degree of relevance in intertextual references between the two works. Special emphasis is placed on the reason why Lenz, a fairly original writer, had had to follow the path trodden by Goethe. The article offers a contrastive-comparative analysis of Goethe’s and Lenz’s texts, clarifies the biographical background that prompted the two writers to create these texts. The scientific originality of the research lies in detecting autotherapy among the authors’ intentions; it is determined by a new early modern personality concept formed in the last third of the XVIII century, in particular by representatives of the Sturm und Drang movement. As a result, it has been proved that, especially in Lenz’s case, we deal with the early attempts at therapeutic writing to overcome individual psychological traumas.

Введение

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что творчество Я. М. Р. Ленца (1751-1792), одного из ведущих представителей литературного течения «Буря и натиск», должно быть всесторонне изучено как в контексте современной ему немецкой литературы, так и в свете того, что названный писатель стоял у истоков литературного модерна. Следует отметить, что в современном российском литературоведении произведения Ленца исследованы неполно. Большая по объему, подробная и пользующаяся авторитетом в мировом литературоведении монография о жизни и творчестве этого писателя, написанная М. Н. Розановым, вышла в свет еще в 1901 году и, при всех своих бесспорных достоинствах, несколько устарела. Современные исследования творчества Ленца (Фортунатова, 1973; Лойкель, 1992; Бурикова, 2008) посвящены почти исключительно его драматургии и теоретическим трудам. В то же время поэзия и проза одного из наиболее своеобразных «бурных гениев» практически остаются вне поля зрения отечественной науки о литературе.

Сказанное относится, в частности, к (возможно) незаконченной эпистолярной повести «Лесной отшельник» („Der Waldbruder“, 1776, опублик. в 1797). Между тем представляется, что это небольшое произведение является одним из ключевых как в творчестве Ленца, так и в истории «Бури и натиска» – короткой, но оставившей заметный след в немецкой и европейской литературе. Если учесть, что наиболее видной фигурой этого течения был молодой Гете, а самыми характерными и влиятельными произведениями – гетевские «Гец фон Берлихинген» и «Страдания юного Вертера», интересным представляется подзаголовок повести Ленца – «Pendant к Страданиям Вертера» („ein Pendant zu Werthers Leiden“), указывающий на ее близкое родство со знаменитым творением Гете.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, определение сходств и различий двух анализируемых текстов; во-вторых, анализ биографических и личностных особенностей двух писателей; в-третьих, выявление возможных психологических интенций Гете и Ленца при написании анализируемых произведений.

Для осмысления характера и функции интертекстуальных связей между произведениями Ленца и Гете, а также степени автобиографичности этих произведений в статье применяются сравнительно-сопоставительный и биографический методы исследования. Для решения третьей задачи потребовалось использовать также психологический метод.

Материалом исследования послужили повесть в письмах Я. М. Р. Ленца «Лесной отшельник» и созданные одновременно с ней тексты, а также его же «Письма о моральности “Страданий юного Вертера”» (1775) и частные письма, а также письма, адресованные Ленцу. Специфика поставленных целей и задач потребовала также привлечения в качестве материала исследования романа Гете «Страдания юного Вертера» и его автобиографической книги «Из моей жизни. Поэзия и правда», а также некоторых писем Гете к Ленцу. Произведения Ленца цитируются в нашем переводе по изданию: Lenz J. M. R. Werke und Briefe: in 3 Bdn. / hrsg. von S. Damm. München: Hanser, 1987. Bd. 2. Lustspiele nach Plautus. Prosadichtungen. Bd. 3. Gedichte und Briefe; произведения Гете (кроме одного письма) – по изданию: Гете И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1976. Т. 3. Из моей жизни. Поэзия и правда / пер. с нем. Н. Ман; Гете И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1978. Т. 6. Романы и повести / пер. с нем.

Сформулированная в процессе исследования гипотеза об автотерапевтической интенции текстов Гете и особенно Ленца потребовала обращения к разрабатываемой в последние годы теории «терапевтического письма», наиболее четко артикулированной в статье М. П. Фокеевой (2017).

Теоретическую базу исследования составили труды Г. А. Корфа (Korff, 1923), М. Лузерке (Luserke, 1997), Д. Кемпера (2009) и других ученых, занимавшихся идеологией и практикой движения «Бури и натиск», а также структурой художественных миров Я. М. Р. Ленца и И. В. Гете, в том числе Х. С. Мэдлэнд (Madland, 1994), В. А. Пронина (2007), Р. Сафрански (2018), Х. Тюринга (Thüring, 2022).

Практическая значимость предпринятого исследования заключается в возможности использования его результатов для более глубокого изучения литературы «Бури и натиска», в особенности корпусов произведений И. В. Гете и Я. М. Р. Ленца, а также в процессе преподавания дисциплины «История зарубежной литературы (немецкая литература) XVIII в.».

Обсуждение и результаты

Прежде всего укажем на то, что молодых Гете и Ленца связывала не только по всей видимости крепкая дружба, но и интенсивное творческое соперничество, основанное на близких эстетических позициях. В литературной критике 1770-х гг. не раз фигурировало словосочетание «гетевски-ленцевская манера» („Goethisch-Lenzische Manier“) (Luserke, 1997, S. 162), а многие произведения Ленца, опубликованные анонимно, молва сразу же приписывала Гете (реже наоборот). Свои взаимоотношения с Гете Ленц тематизировал, в частности, в драматической сатире „Pandaemonium germanicum“ (1775, опублик. 1819), где Гете для Ленца (оба выведены под своими собственными именами) – и литературный наставник, и литературный ориентир, и вместе с тем – литературный конкурент.

Однако со временем взаимоотношения двух молодых «бурных гениев» омрачаются серьезными размолвками, а вскоре следует окончательный разрыв (подробнее об этом речь пойдет ниже). Гете (1976, с. 506) долго ничего не хочет знать о друге своей юности, игнорирует сообщение о его безвременной кончине, а в автобиографической книге «Из моей жизни. Поэзия и правда» дает ему весьма нелестную характеристику.

Тем удивительнее, что «Лесной отшельник» после смерти его автора был напечатан именно с подачи Гете. Собственно, инициатором публикации выступил Ф. Шиллер, именно в издаваемом им журнале «Оры» увидела свет повесть Ленца. Но найдена она была среди бумаг Гете, и без санкции последнего при его жизни, конечно же, новый друг-соперник не мог бы предать «Лесного отшельника» широкой огласке. Если предположить, что повесть Ленца все-таки осталась фрагментом, не исключено, что поэт-олимпиец представил Шиллеру ее текст либо с купюрами, либо с поправками, о чем, правда, сегодня с уверенностью сказать ничего нельзя. Точно известно лишь, что подзаголовок «Pendant к Страданиям Вертера» дан либо Шиллером, либо Гете (Розанов, 1901, с. 402). В любом случае, «Лесной отшельник» вновь тематизирует взаимоотношения бывших соратников по «Буре и натиску». На сей раз они носят не свои собственные имена, но очень похожие, прозрачные псевдонимы – Герц и Роте. При этом фамилия «Герц» („Herz“) в буквальном переводе с немецкого означает «сердце» – слово, многократно встречающееся в нарицательном смысле как в «Лесном отшельнике», так и в «Страданиях

молодого Вертера», чей герой в самом начале говорит: «...лелею свое бедное сердечко, как больное дитя, ему ни в чем нет отказа» (Гете, 1978, с. 11). «Сердце» – центральное понятие в эстетике и практике сентиментализма (его немецкая разновидность – «Бура и натиск»), призванное заменить «разум» рационалистов-просветителей. Именно воспринимающий все только сердцем Герц прямо назван одной из героинь «Лесного отшельника» «новым Вертером» (Lenz, 1987, Bd. 2, S. 389), поскольку терзается от неразделенной любви.

В характере Герца, не приспособленного к реальной жизни, прекрасногодушного и психически нестабильного мечтателя, в самом деле угадываются многие автобиографические черты: ведь даже в годы творческого расцвета Ленц обладал крайне лабильной психикой и отличался редкостной непрактичностью. Вскоре после написания «Лесного отшельника», зимой 1777/1778 г. он заболел самой настоящей шизофренией, от которой так и не оправился до конца жизни; первую и лучшую «историю» его болезни в 1835-1836 гг. напишет в знаменитой новелле «Ленц» (опубл. в 1839) Георг Бюхнер, писатель, во многом разделявший эстетические принципы своего персонажа, и врач по образованию. Вместе с тем Герц наделен многими чертами типичного «бурного гения» – он остро чувствует противоречия жизни, склонен к безудержным аффектам, превыше всего ставит любовь и природу, занят исключительно пестованием своей неповторимой души. Не таков Роте: это беспечный эпикуреец, гедонист и сангвиник, всеобщий любимец, как рыба в воде чувствующий себя в светской жизни, а подчас – даже отъявленный циник. «Послушай, Герц, – поучает он друга, охваченного безответной любовной лихорадкой, – я кое-что значу в глазах бабенок, и это только потому, что я с ними легкомыслен. Как только я касаюсь высоких чувствований, всему конец, женщины больше не понимают меня, как, впрочем, и я их. <...> Поэтому я качусь от удовольствия к удовольствию, и тут как раз кстати приходят твои письма, чтобы дать нашим скучным обществам повод для смеха» (Lenz, 1987, Bd. 2, S. 384). А в другом письме Роте признается: «Я живу счастливо, как поэт, что для меня звучит лучше, чем “счастливо, как король”. Меня всюду настойчиво приглашают, и повсюду я желанный гость, потому что я ко всему умею приспособливаться и из всего извлекать выгоду. Последнее должно присутствовать обязательно, иначе не удастся первое. Любовь к себе – вот что всегда должно давать нам силу для обладания иными добродетелями; заметь себе это, мой человеколюбивый Дон Кихот!» (Lenz, 1987, Bd. 2, S. 386). И эти признания во многом соответствуют действительным индивидуальным особенностям личности Гете в период отхода от «Бури и натиска»: как известно, он сделал блестящую карьеру при веймарском дворе, отличался гармоничным и легким характером, был обожаем многочисленными друзьями и женщинами, а на свое юношеское пристрастие к эстетике и практике «Бури и натиска» смотрел как на своего рода «болезнь роста», преодоленную раз и навсегда. Разве что цинизм был Гете не свойственен, но его всячески утоляемая любовь к чувственным наслаждениям могла быть перетолкована Ленцем вследствие собственных неудач на любовном фронте и не всегда справедливых обид. Что же касается «любви к себе» как главной добродетели, то это один из главных постулатов философии Просвещения, которую движение «Бура и натиск» ревизовало, но не отвергало.

Обратим внимание: в «Лесном отшельнике» звучат голоса не только Герца и Роте, но и ряда иных персонажей, на свой лад толкующих поступки и характер главного героя. В этом состоит главное отличие «Лесного отшельника» от «Вертера»: последний, в сущности, монологичен: все события и эмоции по их поводу даны Гете почти исключительно через оптику протагониста. Адресат писем Вертера, некий Вильгельм, никак не проявляет себя и не влияет на настроение адресованных ему писем, а появляющийся в последней части романа Гете Издатель ограничивается ролью во всем сочувствующего Вертеру хрониста. Между тем в «Лесном отшельнике» мы слышим голоса и знакомимся с точками зрения на происходящее нескольких человек. Аффектированно-безутешная интонация главного героя, конечно, преобладает, но вместе с тем мы вправе солидаризоваться с дискурсом Роте, тоже имеющим право на существование, а также с дискурсами второстепенных персонажей, которые также чистосердечно смеются над злоключениями Герца. Например, одна жизнерадостная фрейлейн адресует Роте сообщение о главной причине отшельничества его друга, начиная письмо словами: «Ха, ха, ха, я умру от смеха» (Lenz, 1987, Bd. 2, S. 383). Х. С. Мэдлэнд так комментирует это обстоятельство: «Поскольку личность Вертера раскрывается как преимущественно романтический характер, сознательно выбирающий отвержение мироздания и смерть во имя любви или в связи с разочарованием в действительности, постольку нигде во всем романе нет и намек на то, чтобы над ним кто-то смеялся (курсив авт. – Н. Г.), “Лесной отшельник” Ленца, напротив, пронизан амбивалентностью, чреват недопониманиями, полон неясностей. Нарратив фрагментарен, а главному герою, Герцу, недостает целостности и уверенности. У него нет никакого авторитета, тогда как Вертер, безусловно, транслирует достоверность своих эмоций» (Madland, 1994, p. 116). В самом деле, Герц, как выясняется из писем других персонажей, все время неправильно оценивает ситуацию, неверно интерпретирует события, тогда как точка зрения Вертера, за именем других, претендует на объективность, адекватность восприятия. Полное доверие к излияниям «лесного отшельника» невозможно и вследствие мультиперспективизма повести: «...тем самым радикальная субъектность Герца, поначалу производящая впечатление аналога субъектности Вертера, являет себя как эффект коллективной сетевой динамики» (Thüring, 2022, S. 200).

Но есть и другое принципиальное отличие между двумя произведениями. Если Вертер неудержимо движется к роковому финалу благодаря неутоленной любви к Лотте, девушке из плоти и крови, то Герц пылает страстью к графине Стелле, которую никогда в жизни не видел: он влюбился в нее, прочитав ее письма к третьему лицу, а «личное» знакомство на балах-маскарадах на поверку оказалось знакомством с совершенно другой женщиной. По-разному Гете и Ленц живописуют причину невозможности соединения протагонистов с предметами их обожания. Если Вертер, зажиточный бюргер, просто «опоздал»: возлюбленная, равная ему

по положению, уже помолвлена с другим и не может нарушить невестину верность, то Герц, бесприютный бастард (пусть и «внебрачный сын покойной великой дамы, которая каких-то двадцать лет назад правила половиной мира» (Lenz, 1987, Bd. 2, S. 407), то есть, очевидно, – российской императрицы), не может рассчитывать на брак с графиней Стеллой из-за социального неравенства. Правда, и у графини есть жених, немолодой, но богатый полковник Плеттенберг, но он ничем не напоминает гетевского Альберта, жениха, а впоследствии мужа Лотты, любимой Вертером. Интересен поворот в устремлениях Герца, когда он узнает о существовании Плеттенберга: поскольку тот собирается отправиться в Америку, чтобы принять участие в войне мятежных Штатов против английской короны, Герц стремится поступить к нему в адъютанты и воевать вместе с ним (при этом заметим, что отнюдь не борьба за свободу привлекает Герца, ибо полковник сражается под знаменем колониальной державы; нет, Герцу все равно, на чьей стороне биться, главное – «он верил, что эта та карьера, у цели которой Стелла, в венце из роз, возложит на его виски листья лавра» (Lenz, 1987, Bd. 2, S. 405)). Интересно, что и Вертер рассматривает вариант своего участия в англо-американской войне, но в результате отменяет его, сообщая, что знакомый генерал «всячески меня разубеждал, и только в том случае, если бы это было страстное влечение, а не прихоть, мог бы я не внять его доводам» (Гете, 1978, с. 62).

Общим для обоих произведений является первоначальное наслаждение главных героев одиночеством на лоне природы: «А вообще живется мне здесь отлично. Одиночество – превосходное лекарство для моей души в этом райском краю, и юная пора года щедро согревает мое сердце, которому часто бывает холодно в нашем мире» (Гете, 1978, с. 9), – восклицает Вертер; «Потускневшая зелень лугов, которая, казалось, боролась с инеем и снегом, бурый засохший кустарник – какое зрелище, радующее мое сердце!» (Lenz, 1987, Bd. 2, S. 382) – вторит ему Герц, с поправкой на время года. Здесь явственно слышны отзвуки культа природы Ж.-Ж. Руссо, чей эпистолярный роман «Юлия, или Новая Элоиза», бесспорно, задал форму и в известной мере – настроение произведений и Гете, и Ленца. Их протагонисты кокетничают с – опять же – руссоистской идеей «опрошения»: «Право же, иногда мне хочется быть поденщиком» (Гете, 1978, с. 45), – мечтает Вертер, а Герц уже сейчас гордо бравирует: «Если у меня в чем-то нехватка, я иду в деревню и денек работаю поденщиком» (Lenz, 1987, Bd. 2, S. 381). Однако одиночество обоих не есть отшельничество в истинном смысле слова: оба вскоре начинают им тяготиться. Герц переселяется в город, в дом вдовы Холь, а Вертер изначально обитает в городе и много общается с его жителями. Но главное, что роднит Вертера с Герцем, – предпочтение, которое они отдают своей душевной жизни перед жизнью общественной. Скажем, Роте аттестует Герца так: «Он живет и творит в сплошных фантазиях и не может ничего, порой даже самую ничтожную мелочь из реального мира, пристроить на законное место» (Lenz, 1987, Bd. 2, S. 409). Сам Герц чистосердечно признается: «Во мне есть что-то, что делает меня бесчувственным ко всему внешнему» (Lenz, 1987, Bd. 2, S. 381). Но уход от реальности постоянно влечет и Вертера, который говорит: «Я ухожу в себя и открываю целый мир! Но тоже скорее в предчувствиях, в смутных вожделениях, чем в живых, полнокровных образах» (Гете, 1978, с. 13). Наконец, полным крахом завершаются попытки и Герца, и Вертера поступить на службу и занять прочное положение в обществе. В случае «Лесного отшельника» решающую роль играет справедливое заверение, сделанное Роте в адрес Плеттенберга: Герц «на самом деле не рожден быть солдатом, сколь бы ни воображал себе это» (Lenz, 1987, Bd. 2, S. 396), а Вертер просто не хочет приспособливаться к требованиям начальства и общественным условностям.

В остальном «Вертер» и «Лесной отшельник» мало напоминают друг друга – и конstellляцией персонажей, и структурой, и фабулой. В частности, в «Вертере» нет никаких аналогов страстному желанию Герца обладать субститутотом любимой женщины – ее портретом; борьба за этот портрет имеет в «Лесном отшельнике» приоритетную сюжетную функцию. Правда, в «Вертере» тоже фигурирует портрет Лотты, но, во-первых, протагонист сам же его и рисует («я сделал ее силуэт, и этим мне придется удовлетвориться» (Гете, 1978, с. 35)), а во-вторых, ничто не мешает ему регулярно видеться с оригиналом. Нет у Гете и иронического поворота сюжета, который видит в «Лесном отшельнике» К. А. Вурст: «То, что Герц радостно приветствует как социальный взлет – военная карьера – похоже, всего лишь интрига друзей с целью удалить его от возлюбленной» (Wurst, 1992, S. 212). Полностью отсутствует в «Вертере» и что-то, подобное линии вдовы Холь, имеющей свои виды на Герца и также плетущей вокруг него сети интриг, дабы привязать его к себе. Вообще сочинение Ленца фабульно богаче романа Гете даже при более скромном объеме, зато «Страдания юного Вертера» по своему идейному содержанию глубже «Лесного отшельника».

И прежде всего отметим, что если Герц страдает и чуть не сходит с ума *только* от несчастной любви, то причины глубокого душевного кризиса героя Гете, заканчивающегося самоубийством, значительно многообразнее. «У меня, – признается Вертер, – больше нет ни творческого воображения, ни любви к природе, и книги противны мне. Когда мы потеряли себя, все для нас потеряно» (Гете, 1978, с. 45). Еще автор многолетнего исследования «Дух эпохи Гете» Г. А. Корфф указывал, что «Вертер разочаровывается не только в своей любви к Лотте, но и в своей любви ко всему миру» (Korff, 1923, S. 310). «Болезнь» Герца в большей мере есть его индивидуальный невроз, «болезнь» Вертера – в известном смысле «болезнь века». «Страдания юного Вертера» явились поистине революционным литературным произведением, знаменующим совершенно новое самосознание индивида, отличное от традиционного и по праву заслуживающее название современного. Разницу между традиционным и современным самосознанием личности в своей работе о Гете, в главе, посвященной «Вертеру», Д. Кемпер описывает в заимствованных у Н. Лумана терминах инклюзии (вовлеченности) и эксклюзии (исключенности): «По мере разложения застывших стратификационных структур зарождается новое чувство свободы, новое представление о внесловных правах человека, увеличивает социальная мобильность, возрастает свобода выбора своего жизненного пути и т. д. Однако все эти возможности открываются перед личностью лишь постольку, поскольку она способна довольно длительное

время оберегать себя от притязаний и требований, предъявляемых обществом» (2009, с. 72). Конечно, подобное оберегание на практике доступно лишь отшельникам в истинном смысле слова, полностью изолировавшим себя от социума, а в иных случаях «притязания и требования общества» часто вступают в резкое противоречие с желаниями и стремлениями индивида, что приводит к психотравмам, нервным срывам, всякого рода конфликтам и антиобщественным эксцессам. Но зато, продолжает Д. Кемпер, «теперь под индивидуальностью начинают понимать нечто уникальное, своеобразное, прежде всего нечто отдельное от социальной структуры и ей предшествующее – не следствие включенности в общество, а его предпосылку. Именно такой концепт личности впервые оказывается способным оправдать социальную девиантность, различные формы отклонения от социальной нормы, объяснить и узаконить возможность того, что личность отвергает социальные ожидания и избирает путь, резко отклоняющийся от предписанного» (2009, с. 72). Именно упрямое отстаивание своей эксклюзивной позиции в социуме, поиски всяческих оправданий своей девиантности, нежелание (а не неспособность) идти на компромиссы с объективным миром приводят Вертера к финальному крушению. «Любовная драма Вертера выполняет, таким образом, лишь служебную роль или, как отмечалось выше, несет функцию катализатора душевных страданий героя и его краха, в основе которых лежит его собственное саморазрушительное отречение от внешнего мира (мечтательные сновидения) и распад его хрупкого, на непрочном фундаменте выстроенного (бесплодные размышления) внутреннего мира» (Кемпер, 2009, с. 98). Что же касается ленцевского Герца, то он лишь радикализирует и обедняет установки Вертера, даже на его фоне выглядя откровенным мономаном, полностью сосредоточенным на единственной пагубной страсти. Вертер читает книги, ходит в гости, общается с большим количеством людей разных сословий и разного возраста; Герц же *только* грезит и страдает.

Но «Страдания юного Вертера» и «Лесной отшельник» – не только отражение мировоззренческих установок «Бури и натиска». Оба произведения имеют достаточно ярко выраженный автобиографический бэкграунд. О чувстве Гете к уготованной другому Лотте (Шарлотте Буфф, в замужестве Кестнер) написано очень много, пусть эта влюбленность и не была столь глубокой и всепожирающей, как у Вертера: «Так, например, он (Гете. – Н. Г.) пишет, что весьма обеспокоен, сохранилась ли у Лотты ее “кофта в голубую полосочку”: его бы очень огорчила ее утрата, ибо кофточку Лотты он “любил едва ли не больше, чем ее саму”. Волнения по такому поводу говорят лишь о том, что волноваться за самого Гете нет причин» (Сафрански, 2018, с. 156).

Менее известны биографические обстоятельства Ленца в 1776 году – во время написания «Лесного отшельника». То был год, когда Гете перебравшись в Веймар.

Назначение вчерашнего «бурного гения» на место при дворе юного и просвещенного монарха в городе, где уже проживали Виланд и Гердер, вызвало самые радужные ожидания у соратников Гете по «Буре и натиску» – Клингера и Ленца, поспешивших самолично прибыть в Веймар в надежде обосноваться там, в вожделенной «республике поэтов», надолго, может быть – навсегда. В Веймаре Ленц развлекался в обществе Гете, молодого герцога и их просвещенных друзей, а также представил проект закона «О солдатских браках», на который возлагал большие надежды и который был отвергнут ввиду совершенной практической неисполнимости. Вообще, чаяниям молодых «штюрмеров» не суждено было осуществиться – в конце концов, и Ленц, и Клингер были изгнаны из герцогства в силу по сей день не проясненных обстоятельств. Наиболее убедительной представляется версия О. А. Смолян, высказанная в ее работе о Клингере: «Самым важным было то, что Гете уже перерос “Бурю и натиск”, тогда как Клингер все еще был кипучим “могучим гением”» (Smoljan, 1962, S. 27). Не изменил эстетическим идеалам юности и Ленц. Однако, в особенности в случае последнего, нельзя исключать и причины личного, а не эстетического свойства. «При всем временном упоении атмосферой веймарского двора, Ленц не создан был для придворной жизни. Для нее у него не хватало известной эластичности, способности приспособления к иным условиям, не хватало осторожности и такта. <...> Всегда простодушный и наивный в жизни, он все принимал за чистую монету, предавался безудержнее других вихрю веймарского карнавала и не подозревал всей скользкости придворной почвы» (Розанов, 1901, с. 396).

Как бы то ни было, в дневнике Гете значится сверхклакониная запись от 26 ноября 1776 г. об «ослиной выходке Ленца» (“Lenzens Eseeley” (Damm, 1989, S. 260)), очевидно несовместимой с дальнейшим пребыванием того в светском обществе. Был ли то некий «пасквиль», направленный против Гете и его веймарского круга, – доподлинно неизвестно, хотя в письмах Ленца Кальбу и Гердеру от 29/30 ноября 1776 г. содержатся довольно четкие указания на это (Lenz, 1987, Bd. 3, S. 516, 517). Но точно известно, что Ленц был навсегда выдворен из Веймара сразу вслед за «ослиной выходкой».

Однако еще за несколько месяцев до окончательного разрыва с Гете и его новыми друзьями Ленц понял, что в их кругу чувствует себя неуютно. 27 июня 1776 года, спустя два с половиной месяца после своего прибытия и через два дня после официального вступления Гете в государственные должности, он добровольно покидает Веймар, чтобы на два месяца уединиться в крохотном курортном местечке Берка, скорее напоминающем деревню, вдали от придворных забав и чопорных чиновников. Именно в это время Ленц пишет «Лесного отшельника» – произведение, во многом объясняющее его глубокое разочарование в веймарской жизни. И, может быть, также грядущее окончательное отлучение от нее.

Пока же Ленц пребывает в затворничестве в Берке, Гете и его друзья заботятся о нем. Современный биограф Ленца пишет, в частности, что чиновный поэт снабжает его книгами, бельем, почтой и даже деньгами (Damm, 1989, S. 234–235), а один или два раза даже навещает его (Damm, 1989, S. 235). Гете уже привык к чудачествам своего непутевого друга и относится к нему, как и Роте к Герцу, с «предупредительным сочувствием» (Lenz, 1987, Bd. 2, S. 381), однажды в его письме прорывается: «Ленц, мне жаль тебя» (Цит. по: Weinhold, 1887, S. 27); ср. с (Lenz, 1987, Bd. 2, S. 381). Но добросердечные отношения между Гете и Ленцем сохраняются,

недаром в начале «Лесного отшельника» Герц признается Роте: «Ты – единственный человек, который по временам меня понимает» (Lenz, 1987, Bd. 2, S. 381).

А в понимании Ленц крайне нуждался. Он прибыл в Веймар в более чем скверном расположении духа, поскольку по дороге получил известие о помолвке своей возлюбленной Генриетты фон Вальднер с бароном Оберкирхом. «Моя судьба теперь *определилась*, – писал он И. К. Лафатеру, – я осужден на смерть, но хочу умереть со славою, чтобы не заставить покраснеть ни друзей, ни небо. Но знать, что она *в объятиях другого и несчастна* (выделено Ленцем. – Н. Г.), – о, это ужасная мысль!» (Lenz, 1987, Bd. 3, S. 419). Он просил Лафатера отговорить Генриетту от брака и сам написал ей анонимное письмо по-французски, в котором предостерегал от «выхода замуж за человека заурядного и, следовательно, холодного» (Lenz, 1987, Bd. 3, S. 419). В Веймаре Ленц узнал, что свадьба уже состоялась. Его отчаянию не было предела. Он умоляет Лафатера прислать ему портрет Генриетты и горько сетует на задержку доставки (Lenz, 1987, Bd. 3, S. 456). Самое существенное же заключается в том, что Ленц влюбился в Генриетту, ни разу не видев ее, а лишь познакомившись с ее письмами, то есть создав ее идеальный образ в собственной фантазии. К тому же он отлично понимал, что провинциал-разночинец (сын лифляндского пастора), неудачник-недоучка, бессребреник-литератор (ведь в ту пору даже такой признанный корифей, как Лессинг, не мог прокормить себя только литературным трудом) – не ровня блестящей аристократке. Таким образом, любовная неудача Герца почти точь-в-точь повторяет историю самого Ленца. Помимо того, всегдашний несчастливый в любви, Ленц неизменно имел перед глазами свою полную противоположность в лице Гете, ибо «те же женщины и девушки, что обращались с Ленцем как с игрушкой, восхищались Гете и влюблялись в него без памяти» (Сафрански, 2018, с. 221). Так, в 1772 г. Ленц сватался к бывшей возлюбленной Гете и покинутой тем Фридерике Брион, но получил отказ: Фридерика предпочла до конца жизни предаваться воспоминаниям о бывшем любовнике. Притом и любовь к Фридерике повторяла обычный для Ленца инвариант; в одном из писем он признавался: «...со мной случилось то же, что с Пигмалионом. С определенным намерением я создал в своей фантазии девушку – оглянулся, и благая природа представила мне мой идеал во плоти» (Lenz, 1987, Bd. 3, S. 109). Разве что Фридерика была дочерью пастора, а не столбовой дворянкой.

Во время «отшельничества» в Берке Ленц пишет и другие произведения о любви к недосыгаемой женщине из высшего сословия. Она находит свое отражение, например, в стихотворном драмолете «Тантал», герой которого воспылал безнадежной страстью к богине Юноне. В финале он, полагая, что обнимает небожительницу, в действительности обнимает облако, которому насмешливые боги придали форму вожделенного тела. К тому же периоду относится и небольшая пьеса «Генриетта фон Вальдек, или Беседка», где главная героиня носит едва измененное имя своего прототипа, а влюбленный в нее главный герой своими подвигами на войне завоевывает благосклонность ее отца и получает соизволение вступить с ней в брак. Так Ленц в творчестве осуществляет мечту, которую не мог реализовать в жизни. Мы осмелимся назвать это практикой *терапевтического письма*.

Термин «терапевтическое письмо» используется в литературоведении лишь в самое последнее время и, как правило, применяется к позднемодерной так называемой «литературе травмы». Характеризуя его особенности, М. П. Фокеева в статье о творчестве нашего современника В. Г. Зебальда отмечает: «...основным предметом терапевтического письма... являются посттравматические состояния и их последствия, и важно подчеркнуть, что это имеет самое прямое соотношение с психологическим аспектом травмы, в частности, например, с посттравматическим стрессовым расстройством» (2017, с. 94). Но на наш взгляд, посттравматическое состояние переживали не только писатели XX-XXI веков. «Терапевтическое письмо» подчас свойственно уже литературе второй половины XVIII века, в частности «Буре и натиску» как первому этапу модерности в немецкой литературе. «Движение “Буря и натиск”, – формулировал Г. А. Корфф, – ...есть борьба за право субъективной жизни против притязаний объективной культуры, возмущение субъекта против абсолютизации действующих теоретически и практически законов разума» (Korff, 1923, S. 70). Но эта борьба, как показывают «Вертер» и «Лесной отшельник», обречена на поражение, когда «притязания объективной культуры» попросту игнорируются. Необходимо найти устойчивое равновесие между ними и волюнтаризмом субъекта, что в реальности удалось Гете, но не Ленцу. Однако ни в коем случае не следует считать Ленца оторванным от реальности солипсистом. Не забудем, что он прославился прежде всего как мастер реалистической драмы, зорко воспринимавший и адекватно отображавший объективную действительность. Так и в «Лесном отшельнике», замечает М. Н. Розанов, «Ленц способен был сознательно обособить известную сторону своего характера, объективировать ее, посмотреть на нее беспристрастно в художественных целях. Так он поступает и с Герцем, и с Роте» (1901, с. 409). Но в то же время у Ленца накапливались усталость от реального мира и разочарование в нем. Поэтому верно и наблюдение И. Штефан и Х.-Г. Винтера: «Среди прочего, литература для Ленца – опият, помогающий выносить действительность» (Stephan, Winter, 1984, S. 24).

В сущности, можно рассматривать «Лесного отшельника» и другие тексты, созданные Ленцем в Берке, как настойчивые попытки преодолеть очередную серьезную психотравму путем фиксации ее на бумаге, ее трансформации в художественный текст и создания альтернативных сценариев собственной жизни. Но разве не те же мотивы руководили Гете, когда тот писал «Вертера»? Не совсем те же. В. А. Пронин напоминает: «По наблюдению Томаса Манна, сделанному им в романе “Лотта в Веймаре”, Гете и не стремился к взаимной любви, ему было сладостно страдание. Это была своеобразная проба чувств, желание пережить боль от неосуществимости страстной любви. Гете хотел испытать катарсис, воспроизведя в романе пережитое поражение» (2007, с. 115). Приведем и мнение Р. Сафрански, основанное на признании самого Гете: «Оглядываясь

назад, Гете подчеркивает, что избавился от мыслей о самоубийстве еще до того, как приступил к роману о самоубийце. Выходит, он уже преодолел свой личный кризис. Зачем тогда писать? Чтобы не просто жить дальше, но делать это «с достаточной бодростью». Литература как инструмент подбадривания, даже если приходится работать с не очень веселым материалом» (2018, с. 157); ср. с (Гете, 1976, с. 494). Мы же добавим: Гете было важно вербальным способом устранить из своего в целом гармоничного внутреннего мира наиболее дисгармонизирующий элемент, на это у него с лихвой хватило внутренних ресурсов. Ленц же, натура с самого начала дисгармоничная, хотел всего лишь облечь свои страдания в художественную форму, нанизать на сюжетный стержень, делегировать часть травматогенного контента носителям иных дискурсов и тем перевести его в объективное измерение. Но это была попытка, обреченная на неудачу. Возможно, повесть «Лесной отшельник» дошла до нас полностью, но буквально через полтора года Ленц как поэт и писатель умолк насовсем, побежденный роковой болезнью. Иными словами, автотерапевтическая интенция Гете сработала идеально, поскольку изначально была достижима; автотерапевтическая интенция Ленца была изначально невыполнима вследствие его «несчастливой» душевной организации, а проще говоря – предрасположенности к психическому заболеванию.

Интересно, что в 1918 г. были найдены и опубликованы ранее считавшиеся утерянными «Письма о моральности “Страданий юного Вертера”», написанные Ленцем в 1775 г. В них молодой писатель яростно обрушился на тех, кто полагал роман Гете антиобщественным и аморальным, якобы проповедующим незрелым душам суицид как способ бегства от жизненных неурядиц. Ленц подчеркивает именно терапевтический эффект «Вертера», основанный на артикуляции, экстернизации «загнанных вглубь» личностных проблем: «Как раз в том заключается заслуга “Вертера”, что он знакомит нас со страстями и чувствами, которые смутно ощущает в себе каждый, но не умеет назвать по имени» (Lenz, 1987, Bd. 2, S. 682). Кроме того, Ленц со всем штюрмерским темпераментом ополчается против многочисленных обвинений в адрес Гете. Он решительно отстаивает тезис о том, что художественное произведение надо рассматривать не как руководство к практической деятельности, а как сугубо эстетический феномен. «Вы считаете его (“Вертера”. – Н. Г.) изощренной апологией самоубийства. Это для меня все равно, как если бы “Илиаду” Гомера захотели выдать за изощренное подстрекательство ко гневу, раздору и вражде. Почему поэтам вечно приписывают конечные моральные цели, о которых те и не задумывались?» (Lenz, 1987, Bd. 2, S. 675).

Спекуляции о том, что Герц мог завершить жизнь так же, как Вертер, в принципе, можно поставить под сомнение. Несмотря на истеричное: «Я хочу обладать портретом, или я убью себя» (Lenz, 1987, Bd. 2, S. 399), по сообщению Роте, самоубийство всегда противоречило «мировоззренческой системе» (Lenz, 1987, Bd. 2, S. 410) Герца. Сам Ленц (по крайней мере, до наступления клинической стадии его болезни) был убежденным противником суицида именно из религиозных соображений – вспомним, что наряду с художественными текстами он писал и готовил к печати душеполезные нравственные проповеди. Если Гете, пантеист-язычник, хоть и не одобрял самоубийство, но допускал его, то Ленц, христианин-пиетист, возможность суицида для себя принципиально отрицал. Но вот в созданных им произведениях («Цербин», «Англичанин», «Катон») это порой единственный выход из безысходной ситуации для протагонистов. Судя по всему, Ленц время от времени заставлял своих персонажей убивать себя, чтобы избавиться от искушения наложить на себя руки самому. Как до него это делал Гете.

Заключение

В результате исследования мы пришли к следующим выводам.

«Лесной отшельник» Я. М. Р. Ленца напоминает «Страдания юного Вертера» прежде всего эпистолярной формой, темой неразделенной любви и приоритетным значением внутреннего мира протагониста по отношению к миру внешнему. Обоим произведениям присущи ярко выраженные черты руссоизма. Но, в отличие от «Вертера», повесть Ленца мультиперспективна, диалогична; она радикализирует и иронически заостряет образ центрального персонажа за счет скрещения точек зрения персонажей второстепенных. Герой Ленца – субъективный идеалист, почти солипсист, но этого нельзя сказать о самом авторе: тот сохраняет солидную дистанцию по отношению к герою и способен адекватно оценивать его поступки и переживания.

«Лесной отшельник», подобно «Страданиям юного Вертера», – текст во многом автобиографический, отражающий реальные события из жизни автора. Но если Гете, приступая к своему роману, уже преодолел личностный кризис и хотел лишь закрепить свойственное его личности в целом гармоничное мироощущение, то Ленц боролся с кризисом актуальным, вытекавшим из его «несчастной» психологической конституции. Поэтому фиксация негативного опыта на бумаге не смогла предотвратить соскальзывание Ленца из невроза в психоз. К тому же после написания повести Ленц столкнулся с новой серьезной психотравмой – изгнанием из Веймара, тогда как Гете в Веймаре полностью социализировался и начал стремительное восхождение по карьерной лестнице.

И «Страдания юного Вертера», и «Лесной отшельник» могут рассматриваться в числе первых случаев «терапевтического письма», как опыты спонтанной автотерапии. Хотя термин «терапевтическое письмо» обычно используется в отношении позднемодерной литературы, мы считаем его применимым и к литературе раннего модерна, в частности «Бури и натиска», впервые поставившей в центр литературных произведений уникальную человеческую личность, ее внутренний мир, ее переживания и устремления. Оба анализируемых текста свободны от дидактических задач, но служат для экстернизации авторских переживаний с целью их преодоления.

Неодинаковые результаты таких стратегий объясняются особенностями биографий Гете и Ленца, их биологической предрасположенностью, но не ошибочностью избранного способа письма.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в подробном анализе других произведений Ленца в свете его биографических обстоятельств и принципов эстетики «Бури и натиска».

Источники | References

1. Бурикова С. А. «Новая эстетика» в драматургии Я. М. Р. Ленца: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2008.
2. Кемпер Д. Гете и проблема индивидуальности в культуре эпохи модерна / пер. с нем. А. И. Жеребина. М.: Языки славянской культуры, 2009.
3. Лойкель Ю. В. Жанр трагикомедии в драматургии Я. М. Р. Ленца: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1992.
4. Пронин В. А. История немецкой литературы: учеб. пособие. М.: Университетская книга; Логос, 2007.
5. Розанов М. Н. Поэт периода «бурных стремлений» Якоб Ленц, его жизнь и произведения: критич. исследование: с прил. неизд. материалов. М.: Унив. тип., 1901.
6. Сафрански Р. Гете: жизнь как произведение искусства / пер. с нем. К. Тимофеевой. М.: Дело, 2018.
7. Фокеева М. П. Терапевтическое в романах В. Г. Зебальда // Вестник Литературного института имени А. М. Горького. 2017. № 4.
8. Фортунатова В. А. Драматургия Я. М. Р. Ленца (к вопросу эволюции творчества): автореф. дисс. ... к. филол. н. Горький, 1973.
9. Damm S. Vögel, die verkünden Land. Das Leben des Jakob Michael Reinhold Lenz. 3. korrig. Aufl. Frankfurt am Main: Insel, 1989.
10. Korff H. A. Geist der Goethezeit. Versuch einer ideellen Entwicklung der klassisch-romantischen Literaturgeschichte: in 5 Bdn. Leipzig: Weber, 1923. Bd. 1. Sturm und Drang.
11. Luserke M. Sturm und Drang. Autoren, Texte, Themen. Stuttgart: Reclam, 1997.
12. Madland H. S. Image and Text: J. M. R. Lenz. Amsterdam – Atlanta: Rodopi, 1994.
13. Smoljan O. Friedrich Maximilian Klinger: Leben und Werk. Weimar: Arion, 1962.
14. Stephan I., Winter H.-G. Ein vorübergehendes Meteor? J. M. R. Lenz und seine Rezeption in Deutschland. Stuttgart: Metzler, 1984.
15. Thüring H. „[A]uf meinem bloßen Herzen“. Kollektive Produktivität in Jakob Michael Reinhold Lenz' „Der Waldbruder“ // Kollektives Schreiben / hrsg. von D. Ehrmann, T. Traupmann. Paderborn: Brill; Fink, 2022.
16. Weinhold K. Ein Brieflein Goethes an Lenz // Chronik des Wiener Goethe-Vereins. 1887. Bd. I.
17. Wurst K. A. J. M. R. Lenz' Poetik der Bedingungsverhältnisse: „Werther“, die „Werther-Briefe“ und „Der Waldbruder, ein Pendant zu Werthers Leiden“ // J. R. M. Lenz als Alternative? Positionsanalysen zum 200. Todestag / hrsg. von K. A. Wurst. Köln – Weimar – Wien – Böhlau, 1992.

Информация об авторах | Author information

RU

Гладилин Никита Валерьевич¹, д. филол. н., доц.

¹ Литературный институт имени А. М. Горького, г. Москва

EN

Gladilin Nikita Valer'evich¹, Dr

¹ A. M. Gorki Literature Institute, Moscow

¹ nikitagl@inbox.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 02.07.2023; опубликовано online (published online): 31.08.2023.

Ключевые слова (keywords): Я. М. Р. Ленц; И. В. Гете; движение «Буря и натиск»; ранний модерн; терапевтическое письмо; J. M. R. Lenz; J. W. von Goethe; Sturm und Drang movement; early modern; therapeutic writing.